

Министерство образования и науки Российской Федерации
Марийский государственный технический университет
Научно-культурный центр – Дом ученых г. Йошкар-Олы
Институт философии Российской академии наук
Институт социологии Российской академии наук
Российская социологическая ассоциация (РОСА)
Факультет социальных технологий МарГТУ

СОЦИАЛЬНАЯ СИНЕРГЕТИКА И АКТУАЛЬНАЯ НАУКА

**РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

Йошкар-Ола
МарГТУ
2011

УДК 316.42
ББК 60.56
Р 76

Составитель и научный редактор

доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий
Марийского государственного технического университета, председатель
Научно-культурного центра – Дома ученых г. Йошкар-Олы, заслуженный
деятель науки Республики Марий Эл **В.П. Шалаев**

Редакционная коллегия

доктор философских наук, профессор В.И. Аршинов (ИФ РАН, Москва)
доктор философских наук, профессор Е.И. Степанов (ИС РАН, Москва)
доктор философских наук, профессор В.П. Шалаев (МарГТУ, Йошкар-Ола)

Печатается по решению

Оргкомитета Вавиловских чтений,
Секции философских проблем междисциплинарных исследований
Института философии Российской академии наук,
Центра конфликтологии Института социологии Российской академии наук

**Социальная синергетика и актуальная наука. Россия в глобаль-
ном мире: вызовы и перспективы развития: международный сборник
научных трудов / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В.П. Шалаева. –
Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет,
2011. – 408 с.
ISBN 978-5-8158-0874-4**

В международном сборнике научных трудов исследованы синергетические, обще- и частнонаучные аспекты развития современного социально-гуманитарного знания и практики, актуальные проблемы современности в пространстве глобализации и глобалистики. Сборник включает статьи авторов из 11 стран мира: России (городов Йошкар-Олы, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Твери), а также Великобритании, Турции, Словакии, Египта, Болгарии, Индии, США, Саудовской Аравии, Беларуси, Таджикистана. Издание материалов – результат работы десятого специализированного синергетического семинара и Четырнадцатых Вавиловских чтений, состоявшихся в Йошкар-Оле 2-4 декабря 2010 года.

Для преподавателей, аспирантов, студентов, исследователей широкого круга актуальных проблем современного человека и общества.

УДК 316.42
ББК 60.56

ISBN 978-5-8158-0874-4

© Марийский государственный
технический университет, 2011
© Научно-культурный центр –
Дом ученых г. Йошкар-Олы, 2011

**ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ
БЕЛОРУСОВ: ВАРИАНТЫ ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ**

*Litvinskij A.V.
Baranovichsky state university,
Baranovichy, Byelorussia*

**HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF MODERN
BYELORUSSIANS:
VARIANTS OF VALUABLE ORIENTATION**

Abstract. The article deals with different variants of the value orientation of up-to-date Byelorussians. These variants are based on the specific understanding of Byelorussian historical experience. It gives the analyses of 3 types of historical self-consciousness: soviet, "zapadno-russist" (west-russian), "Lithuanian".

Белорусское общество переживает очередной трансформационный период, для которого, помимо всего прочего, характерно соперничество различных систем идейных ценностей (впрочем, в определенной степени также возможен их симбиоз). Поскольку любая идеология опирается на специфическую интерпретацию исторического опыта, представляется уместным проанализировать различные варианты данной интерпретации и сформировавшиеся (или формирующиеся) на их основе образы исторического прошлого, оказывающие немалое влияние на представления о белорусском настоящем и будущем.

Стало общим местом утверждение о том, что белорусский народ выпала доля жить и самоутверждаться на цивилизационном разломе, пролежавшем между православным Востоком и католическим (в меньшей мере — протестантским) Западом. Наиболее четко эту мысль сформировал белорусский философ И. Абдиралович [1]. Мысль по сути своей верная, однако необходимо дополнить, что не только противостояние двух вариантов христианской цивилизации, но и их взаимодействие имело место быть в белорусской истории. Уж во всяком случае, прошлое Белой Руси не сводится к данному противостоянию, иначе белорусский народ точно бы не стал этносоциальной и этнокультурной реальностью.

Кроме того, определяя цивилизационные предпочтения современного белорусского общества, следует учитывать не только фактор пространства, но и фактор времени. К примеру, если согласиться с тем, что в качестве локомотива цивилизационного развития выступает город, то следует отметить, что белорусский город XIX в. был таковым только по географическому положению, а по этническому составу населения его скорее уж можно было назвать еврейским. Во второй половине XX в. он приобрел черты унифицированного советского города, в котором господствовала уже сложившаяся к тому времени специфическая советская культура. Таким образом, урбанизационные процессы периода модернизации явно не содействовали приобретению городом этнического белорусского облика.

Иными словами, белорусское прошлое создало несколько вариантов возможного культурно-цивилизационного самоопределения как различных социальных групп (здесь дифференциация осуществляется, прежде всего, по религиозному и возрастному факторам), так и, в принципе, каждой отдельно взятой личности. Разумеется, сложившиеся типы национально-исторического самосознания нельзя представить и проанализировать без упрощающего куда более сложную реальность абстрагирования, характерного для процесса моделирования, типологизации и классификации. Ведь личность вполне может сочетать в структуре собственной ментальности черты различных типов. Это весьма присуще нашему времени, когда человек находится на перекрестке информационных потоков, иногда изнемогая и теряясь под их напором, попадая в ситуацию «информационного шока». Поэтому речь пойдет в первую очередь о представителях социально-гуманитарного сегмента духовной сферы жизни белорусского общества, для которых характерна большая, по сравнению с другими, определенность в выборе ценностных приоритетов.

Основывающаяся на специфическом восприятии исторической действительности ценностная ориентация может реализоваться как феномен, приобретающий форму некоей идеологической конструкции. Для данной конструкции характерны следующие черты:

1) наличие определенного представления об идеале, существовавшем в прошлом и имеющем шансы хотя бы в какой-то мере воплотиться в будущем (по сути своей, это секулярный вариант мифологического постулата о «золотом веке»);

2) осуществляющиеся на основе данного представления разграничение исторических событий и процессов по признаку «плохое хорошее»;

3) различная оценка степени важности тех или иных факторов общественного развития и осуществленных в ходе его достижений, как, впрочем, и степени невосполнимости понесенных потерь;

4) отношение к определенным историческим деятелям как к «героям» или «антигероям» (такой же подход может быть применим и к различным социальным группам, при этом очень уж нежелательно, чтобы образ «антигероя» становился образом врага, однако такое иногда, к сожалению, происходит);

5) различие в геополитических приоритетах (в белорусском случае данное различие зачастую проявляется в выборе по признаку комплементарности между Польшей и Россией, причем выбор этот вовсе не обязательно должен иметь альтернативный характер – ведь вполне допустим как вариант «и Польша, и Россия», так и вариант «ни Польша, ни Россия»);

6) взгляд на современные реалии сквозь призму собственной интерпретации исторического опыта;

7) моделирование и прогнозирование будущего, оптимистическая или пессимистическая оценка перспектив дальнейшего развития.

«Маятниковый» и синусоидальный характер исторического развития белорусских земель способствует тому, что приверженцы различных систем ценностей могут найти в белорусском прошлом достаточное количество фактов, из которых, как из кирпичиков, можно сложить приемлемую для себя идеологическую конструкцию. Разумеется, не следует думать, что белорусские гуманитарии только тем и занимаются, что на основе анализа исторического опыта вынашивают идею, воспринимаемую ими в качестве спасительной для нации. Однако достаточно внимательно ознакомиться с содержанием научных трудов обобщающего характера, чтобы убедиться в наличии в них аксиологического контекста [2, 4; 6; 7; 9]. Как справедливо отметил автор одного из таких трудов, «сегодняшний историк понимает, что, сколько бы он ни подчинялся императиву объективности, быть полностью беспристрастным он не сможет» [7, с. 7] (здесь и дальше по тексту перевод с белорусского языка на русский язык осуществлен автором данной статьи – А.Л.). Впрочем, встречаются и проявления откровенной тенденциозности, особенно в работах научно-популярного характера, точнее говоря, в гораздо большей степени популярных, чем научных.

Исходя из сказанного выше, можно выделить несколько вариантов ценностной ориентации современных белорусов (в данном случае речь будет вестись только о взаимовлиянии исторического самосознания и предпочтений преимущественно идеологического характера). Пожалуй,

следует начать с советского типа исторического самосознания. При этом автор статьи понимает, что допускает хронологическую инверсию, поскольку данный тип сформировался позже других. Эта инверсия объясняется двумя факторами: во-первых, носители советского исторического самосознания всё еще количественно преобладают в белорусском обществе, составляя, кстати говоря, значительную часть его элиты; во-вторых, и в других постсоветских государствах, прежде всего, в России данный тип представлен достаточно широко.

Нет нужды подробно характеризовать советский тип исторического мышления, ибо это уже сделано до нас. Так же вряд ли стоит специально обращать пристальное внимание на то, что среднестатистический советский белорус в советской же школе худо-бедно усвоил азы марксистско-ленинского понимания истории. Можно предположить, что параметры личностного восприятия им прошлого заданы не столько знаниями теоретического характера, сколько индивидуальным жизненным опытом – ведь для многих последний период существования СССР был этапом их жизни. И если для историков (впрочем, далеко не для всех) эпоха Брежнева – это период застоя, то для среднестатистического белоруса из тех, «кому за сорок» – это время их детства, юности и молодости, когда перспективы казались весьма оптимистическими. Отсюда и тоска по советскому прошлому, которое в «брежневско-машеровском» варианте казалось идеалом (И.М. Машеров – Первый секретарь ЦК КПБ с 1965 по 1980 г.). Отсюда и проклятия в адрес тех, кто «развалил СССР» (вот они, исторические антигерои, в представлении советского человека).

При этом следует отметить, что как раз знания по белорусской истории, советская школа предоставляла в таком малом количестве и в такой интерпретации, которая вполне могла породить (и порождала!) комплекс национальной неполноценности. Как огня, советские идеологи боялись угрозы национализма и поэтому тщательно убрали из школьных учебников всё, что могло, на их взгляд, актуализировать эту угрозу. Поэтому подавляющее большинство белорусов, обучавшихся в 60-х – первой половине 80-х гг. XX в., попросту говоря, плохо знали историю своей республики – гораздо хуже, чем историю России.

Стало быть, не следует удивляться тому, что историческое самосознание советского белоруса в большей степени было сформировано восприятием российских исторических реалий, нежели белорусских. Например, он, будучи абсолютно уверенным в своей правоте, мог заявить, что летоисчисление «от Рождества Христова» ввел на белорусских землях Петр I, даже не догадываясь, что, вообще-то, на рубеже XVII

XVIII вв. эти земли входили в состав Речи Посполитой, и Петр I не имел права и не должен был ничего вводить здесь.

Что же касается профессиональных историков, то в настоящее время верность советской мировоззренческой и методологической парадигме сохраняют представители старшего поколения (впрочем, не все из них). Если и вносятся ими изменения в сформированную еще во времена существования СССР концепцию, то дело ограничивается правками косметического характера. Примером такого научно-исторического консерватизма может служить учебное пособие, выпущенное под редакцией Е.К. Новика и Г.С. Марцуля [3]. Между прочим, оно активно используется в белорусских вузах, что является свидетельством того, сколь сильны советские историографические традиции в современной белорусской науке и образовательной практике.

История, как известно, полна парадоксов. Один из них заключается в том, что белорусские советские историки, в обязательном порядке «присягая на верность» марксистской методологии, обильно черпали аргументы из фондов западноруссистской историографии, православно-монархической по мировоззрению и славянофильской по методологии. А ведь можно довольно уверенно утверждать, что симпатии и К. Маркса и, в особенности, Ф. Энгельса принадлежали отнюдь не России, а Польше, которая в западноруссистской историографии приобрела устойчивые черты «образа врага».

Как направление общественно-политической и научно-исторической мысли, западноруссизм сформировался в ответ на польское национально-освободительное восстание 1863-1864 гг. [8]. Идейным лидером данного направления являлся известный историк М.О. Коялович, изложивший свою концепцию в ряде трудов, важнейшим из которых был курс лекций по истории «Западной России», т. е. земель, входивших когда-то в состав Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского [5]. Приверженцы западноруссизма исторический идеал видели в единении великорусского, украинского и белорусского народов. Всё православно-русское они оценивали положительно, всё польско-католическое – отрицательно трагическими событиями белорусской истории представляли в их интерпретации Люблинская межгосударственная уния 1569 г., приведшая к образованию Речи Посполитой. и, в особенности, Брестская церковная уния 1596 г., приведшая к образованию униатской церкви. Разумеется, вхождение белорусских земель в состав Российской империи, ставшее результатом разделов Речи Посполитой, вызывало у них восторженные оценки. Те, кто способствовал распространению здесь польско-католического влияния, например инни-

днаторы Брестской церковной унии, считались в рамках данной историко-географической традиции «антигероями», те, кто этому препятствовал, считались «героями».

В настоящее время западноруссистские идеи популярны в определенных кругах Русской православной церкви и поддерживаются группой воцерковленных православных интеллектуалов, последовательно отстаивающих тезис о противоборстве православия и католицизма как доминанте белорусской истории и современности [9, с. 8]. В 90-х гг. XX в. были даже попытки создать на основе неославянофильской идеологии политическую партию – Славянский Собор «Белая Русь», однако их нельзя назвать успешными, поскольку очевидный конфронтационный заряд, содержащийся в западноруссизме, не был востребован традиционно толерантным белорусским обществом. Наиболее убедительным доказательством данной толерантности является широкая практика заключения межконфессиональных, православно-католических браков. Последовательная же реализация программы Славянского Собора не могла бы привести ни к чему другому, кроме как к столь же последовательной дискриминации неправославных белорусов, которым, скорее всего, и в белорусскости было бы отказано. А это с неизбежностью привело бы к социальному взрыву, который мог принять форму межконфессионального и межэтнического конфликта. Поэтому и неудивительно, что на рубеже XX – XXI вв. часть белорусской политической элиты, ранее склонявшаяся к поддержке неославянофильских идей как альтернативы неприемлемому для ее представителей белорусскому национализму и даже видела в них духовную скрепу российско-белорусской интеграции, заметно охладела к неозападноруссистским идеологическим конструкциям.

Пожалуй, можно утверждать, что на историческое самосознание белорусского общества повлиял не столько западноруссизм в его классическом виде, сколько своеобразный гибрид марксизма в советском его понимании и ренасцировавшейся в сталинские времена идеи российской великодержавности, одним из локальных вариантов которой, по сути дела, и являлся западноруссизм с его неприятием католицизма и антиполонизмом, воспеванием единства русских, белорусов и украинцев. Излишне напоминать сведущему читателю, что практически все эти концептуальные положения были отражены в советских учебниках по истории СССР и БССР, хотя, конечно же, характерный для школы М.О. Кояловича православный монархизм там не был представлен.

Таким образом, если представить советскую и западноруссистскую систему ценностей в виде геометрических фигур, например, кругов, то

область их пересечения окажется немалой, но полностью эти круги совпадать не будут.

Следующий тип современного белорусского исторического самосознания, противоположный как советскому, так и западноруссистскому, может быть весьма условно назван «литвинским» (но не «литовским»!). Он представлен в нескольких вариациях [2; 4; 7]. Дело в том, что именно в Великом княжестве Литовском его представители видят прототип белорусской государственности, да и свою духовную опору. Во многом, на наш субъективный взгляд, это объясняется своеобразной тоской по проявлениям человеческого достоинства, которых было достаточно в истории ВКЛ, и которых современный «литвин» не наблюдает в сегодняшнем белорусском обществе. Встречаются даже случаи, когда «литвины» вполне сознательно меняют этническую самоидентификацию, становясь литвинами уже без всяких кавычек. «Отличительной чертой белорусов-литвинов был демократизм <...>. Демократизм формировал дух свободы, нравственные и правовые представления о независимости, понимание ценности человеческой личности». Утверждают представители данного типа мышления, объясняя этим притягательность для себя тогдашних норм и идеалов [2, с. 29].

Вольно или невольно, в большей или меньшей степени, сторонники анализируемой системы ценностей видят в истории ВКЛ идеал, иногда ее романтизируют [4]. При этом всячески подчеркивается соответствие ВКЛ, как и Речи Посполитой, стандартам европейской цивилизации [7, с. 7, 8, 350]. Также подчеркивается фактическая несовместимость духовно-ценностных систем, литвинов-белорусов и московитов-россиян. Как результат, многочисленные войны между Московским государством (позже – Россией) и Литвой (позже – Речью Посполитой) зачастую интерпретируются как столкновение двух воплощенных в государственной практике аксиологических систем, указывается на катастрофические последствия этих войн (прежде всего, войны 1654 – 1667 гг.) для белорусского населения, что, в принципе соответствует действительности.

Существует стереотип, согласно которому «литвины» практически без исключений демонстрируют приверженность католицизму либо, как варианту первого, униатству. Это не так. Среди них есть и православные, и протестанты, и атеисты, и даже неоязычники. При том, что в рамках этого типа восприятия исторической действительности наблюдается некоторая идеализация периода Первой Речи Посполитой, хватает и критических оценок данного периода, наблюдается негативное отношение к Польше [4, с. 360]. В чем они едины, так это в критическом отношении к Российской и советской действительности (имеется в виду период нахождения Беларуси в составе Российской империи и СССР).

При этом, хотя, как известно, история не терпит сослагательного наклонения, подразумевается, что белорусы достигли бы значительно большего, если бы их история пошла по другому пути, не российскому и не советскому. Разумеется, этот тезис в силу его виртуальности нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Впрочем, среди ученых, стремящихся излагать историю с национально-белорусских позиций, встречаются и те кто критически относится к идее «литвинства», считая, что она изжила себя уже в XIX в., когда под напором русификаторской политики произошла цивилизационная переориентация белорусских земель с Польши, как геополитического центра притяжения, на Россию [6]. Сторонники этого взгляда замечают: «Нужно ли для этого лучшее доказательство, чем поражение Белорусского Народного Фронта «Возрождение» который в свое время перепутал Беларусь с Великим княжеством Литовским?» [6, с. 14]. Действительно, с этим необходимо согласиться. Романтизированная «литвинская» идея, не найдя массового отклика в белорусском обществе, по-прежнему остается уделом национально ориентированной части белорусской социально-гуманитарной элиты.

Автор статьи посчитал необходимым воздержаться от прогнозов, касающихся дальнейшей эволюции исторического самосознания белорусов, и возникших на его основе различных вариантов ценностных ориентаций – ведь сколько раз верные, казалось бы, прогнозы, не выдерживали проверки жизнью. Хочется надеяться на то, что ситуация геополитического и культурно-цивилизационного перекрестка, не раз становившаяся в прошлом проклятием для белорусского народа, в сегодняшних реалиях станет если не благословением (такое, увы, вряд ли возможно), то хотя бы очевидным плюсом. Надежда эта зиждется на традиционной белорусской толерантности, которую никоим образом нельзя отождествлять, как это иногда случается, с беспринципностью и равнодушием к собственной судьбе, а также на вере в белорусский здравый смысл. К примеру, культурно-историческое наследие, созданное в рамках различных цивилизационных проектов, несмотря на это, должно работать (и уже работает!) на белорусскую экономику (имеется ввиду ее туристическая составляющая), на имидж Республики Беларусь в мировом сообществе, на патриотическое воспитание подрастающего поколения. А это возможно только на основе гражданской солидарности и взаимоуважения.

Литература

1. Абдиралович, И. Извечный путь: Опыт белорусского мировоззрения / И Абдиралович // Неман. 1990. – № 11 – С 162 – 179

2. Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы = The History of the Belarusian Nation and State / М. Біч, Р. Гарэцкі, і інш. – Мінск, Медисонт, 2006. – 440 с.
3. Гісторыя Беларусі: Вучэб. дапам. У 2 ч. Ч. 2. Люты 1917 г. – 2000 г. / Я.К. Новік, Г.С. Марцэў, Э.А. Забродскі і інш.; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцэў. – 2-е выд., перапраца і дал Мінск: Універсітэцкае, 2001. – 464 с
4. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М.Ермаловіч – Мн: Белліт-фонд, 2000. – 448 с.
5. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. – М., 1864 – 348 с.
6. Латышонак, А., Мірановіч, Я. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі – Беласток Беларускае гістарычнае таварыства, 2010 – 368 с.
7. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г. Сагановіч. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001 – 412 с.
8. Цьвікевіч, А. “Западно-русизм”: Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Мінск: Навука і гэхніка, 1993. – 352 с.
9. Черепица, В. П. Михаил Осипович Коялович: История жизни и творчества / В. П. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1998 – 328 с.

*Низова Л.М.,
МарГТУ, Йошкар-Ола*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЫНКА ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

*Nizova L.M.,
MarSTU, Yoshkar-Ola*

INSTITUTIONAL ASPECTS OF THE LABOR MARKET IN THE MODERN ECONOMY

Abstract. In this study the institutional aspects of the labor market in modern economies. The classical and nonclassical concept of the labor market, the current state of the labor market in Russia.

Рынок труда состоит из всех тех, кто покупает или продает труд.
Р. Дж. Эренберг и Р.С. Смит

1. Концептуальные подходы к функционированию рынка труда
Рынок труда является фундаментом рыночной экономики, выполняющей функции механизма распределения и перераспределения общественного труда по сферам и отраслям хозяйства, видам и формам дея-